

Диалог первый: Чёрный флаг и свастика

Людей всегда ведут двумя словами: «порядок» и «свобода», но порядок нацелен на деспотизм, а свобода — на анархию. Устав от деспотизма, люди вопиют о свободе, оскорблённые же анархией, требуют порядка.

Ривароль⁴⁰, «О современной философии»

В этот день Рёбате погрузился в «Акты Апостолов» Луази, дьявольское, между прочим, чтение⁴¹. Кусто же был занят маникюром. Оба казались чрезвычайно поглощёнными своими занятиями. Рёбате сравнивал три рассказа об обращении Павла. Кусто исправлял овал ногтей с помощью специальной пилки, отодвигал кожицу, удалял небольшие наросты плоти⁴². Но как бы ни был каждый поглощён тем, что делал, он испытывал некоторое пренебрежение к легкомысленному занятию другого. Кусто первым нарушил молчание.

Кусто: Ну что, чудовище, ты когда-нибудь осознавал всю иронию ситуации, в которой мы, встречаясь здесь, находимся?

⁴⁰ Антуан Ривароль/Antoine Rivarol, 1753–1801, ученик Вольтера, писатель, журналист, этот выходец из простой семьи в годы Великой французской революции встал на монархические позиции. В годы изгнания из Франции стал членом Академии наук Пруссии. Трактат о «Современной философии» был издан после смерти автора, как и «О суверенитете народа».

⁴¹ Альфред Луази/Alfred Firmin Loisy, 1857–1940, священник, теолог и проповедник, основатель движения обновленчества в Римской католической церкви. Критик традиционного толкования Библии, конфликтовал с папством, лишился в результате этого профессуры в Католическом университете Парижа. В 1908 году отлучён от Церкви. Известен работой «Иисус провозгласил пришествие Царства, и после этого пришла Церковь». Не примирился с Римом.

⁴² Напомню, что в первой главе, «Предварительной», соавторы рассказывали о чрезвычайно тяжёлых условиях заключения коллаборационистов в тюрьме Клерво.

Рёбате в ответ на это проворчал нечто невнятное, какое-то звукоподражание. Но его можно было растолковать как приглашение объясниться. Кусто так всё и воспринял.

Кусто: Пойми меня: наши слова, может быть, и не очень смешные, но то, что это мы их сочинили, всё же довольно забавно. Во всяком случае, там, снаружи⁴³ есть немало людей, которые были бы ошеломлены поворотом наших разговоров.

Рёбате освободился от «Деяний Апостолов» только наполовину. Его лицо всё ещё оставалось закрытым, взгляд отсутствовал... Кусто понимал, что должен настаивать.

Кусто: Нас заклеили «фашистами». Не без причин, между прочим. И мы сделали всё необходимое, чтобы оправдать эту репутацию...

Рёбате: Вплоть до смертного приговора.

Кусто: Но для среднего дурака — и даже для сверхдурака — что такое «фашист»? Это прежде всего унижающий всех и обманутый фанатик, проклятая душа самой мрачной реакции, последователь сабли и кропила⁴⁴. Это ожидание того же сорта, что мы испытываем в отношении нигилиста, у которого в кармане непременно должны быть бомбы, а у социалиста — грязные ноги, а у семинариста — прыщи. Так и нас нужно представлять оцепеневшими в вечном почётном карауле перед деруледянскими лубками⁴⁵.

⁴³ На воле.

⁴⁴ «Последователь сабли и кропила» — здесь сторонник союза церкви и армии, авторитарного государства. Производное от выражения «Святой Альянс сабли и кропила» (Sainte Alliance du sabre et du goupillon), приписываемого Клемансо, премьер-министру Франции в годы Первой мировой, настоявшему на жёстких условиях капитуляции Германии. Подразумевается союз Армии (сабля) и Церкви (кропило).

⁴⁵ Деруледянская — от Поль Дерулед/Paul Déroulède, 1846–1914, французский поэт, милитарист, реваншист, один из основателей Лиги Патриотов. Требовал возврата

Рёбате: Ну, я-то, чтоб далеко не ходить, знавал некоторых, кто стоит в почётном карауле 24 часа в сутки, но это не наш случай.

Кусто: Я даже верю, что мы достигли довольно сенсационного уровня анархии. Мы в гораздо большей степени анархисты, чем признанные анархисты, которые, на самом деле, представляют плохой тип болезненного конформизма. Потому что стоит избавиться от старых мифов и уступить мифу о прогрессе, мифу об обществе без государства.

Рёбате одобрительно кивает.

Рёбате: Нет сомнений, что мы продвинутее этих ребят. Наши даже самые малозначительные замечания это подтверждают.

Кусто: Итак, как ты объясняешь, что с таким темпераментом мы честно и сознательно оказались вовлечены в политическую систему, конформизм которой должен был нас оттолкнуть? И как ты объяснишь, что это противоречие не вызывает в нас ни малейшего смущения?

Рёбате вновь открыт для беседы.

Рёбате: Интересно, что ты это говоришь. На первый взгляд, это заставляет моё сердце кровоточить... всегда будет напоминать мне, кем в двадцать лет я был: маленьким хорошим парнем, намеревавшимся пересечь этот век без малейшего инцидента. У меня есть представления обо всём: о религии, этике, политике — я решил раз и навсегда, что никогда и мизинцем

Эльзаса и Лотарингии, потерянных в результате неудачных войн против бисмарковской Германии. Стал депутатом парламента. Высказывал крайние националистические взгляды. В деле Дрейфуса выступил против осуждённого офицера-еврея. Призывал Францию меньше заниматься колониями и больше — Эльзасом и Лотарингией, прославившись фразой «Я потерял двух сестёр, а вы предлагаете мне дюжину слуг». Похороны Деруледа в январе 1914 года собрали столько же народу, сколько и процессия национального героя, Виктора Гюго.

не коснусь этих выгребных ям. Самым отвратительным определением, которое я мог применить к существу или предмету, было «социальный»: социальный священник, социальная атмосфера...

При упоминании этого слова Кусто с отвращением надувает губы. Он также собирается попить социум. Но Рёбате не позволяет себя прервать.

Рёбате: Самым дебильным для меня занятием, которому мог предаться человек, всегда было апостольство, какую бы форму оно ни принимало. Постепенное заражение другими людьми хорошего парня, который изначально был совершенно здоровой жертвой предрассудков и приличий, — это вполне могла быть моя история... И послушай, я не без удовольствия бы её описал в такой форме, как своего рода антисартрианскую сказку. Но на самом деле всё, конечно, не так просто и ужасно. По крайней мере, я на это надеюсь.

Кусто: Остановлю тебя, дорогой Люсьен. Это совсем не ужасно... Я не только ни о чём не жалею, но и каждый день поздравляю себя с тем, что пережил эту фашистскую авантюру...

Рёбате: Даже здесь, в тюрьме?

Кусто: Да, даже здесь. Это приключение было великолепным и увлекательным. Моя «помолвка», как говорят франкतिрёры⁴⁶ и сторонники Deux Magots⁴⁷, привела меня со своего рода фатальной неизбежностью к опыту... ощущениям... к удовлетворению гордостью, которое я всегда игнорировал бы без этого и которое более удачливые не могут себе

⁴⁶ «Франктирёры» — вольные стрелки, намёк на бойцов Сопротивления.

⁴⁷ Здесь намёк на Жан-Поля Сартра, который намного чаще бывал во время Оккупации в кафе Deux Magots в Сен-Жермен-де-Пре, где он любил писать, чем среди маки. После войны Сартр стал певцом «очищения», — то есть процедуры денацификации интеллигенции Франции, — и большим приверженцем «левых» идей.

позволить. Вспомни, что Стендаль заставил Матильду де ла Моль сказать о смертной казни: «Только это нельзя купить»⁴⁸.

Рёбате: Ты спрашиваешь, помню ли я! Значит, ты не знаешь, что я написал это в своей камере, пока мы были в цепях...

Кусто: Возможно, но поскольку мы были вынуждены остаться каждый у себя⁴⁹, ты открываешь для меня что-то новое. В любом случае никаких сожалений относительно свой «помолвки»⁵⁰ я не испытываю. Но в то же время небольшой сюрприз. Потому что если ты, в возрасте двадцати лет, избавился от гражданских, моральных и религиозных условностей, то я, в этом же возрасте, также не очень-то уважал эти ценности. Впрочем, так, да не совсем так, как ты. Ты был бóльшим анархистом, чем я. Я дал крен — прошу прощения за это — в левизну.

Рёбате: Это своего рода вовлечение тоже...

Кусто: Но отрицание во мне намного перевесило конструктивное рвение. Мой социализм оставался неопределённым. С другой стороны, я очень хорошо знал, что больше не хочу, чтобы меня обманывали, ни при каких обстоятельствах. Больше никаких *Sursum Corda*⁵¹ для нашей святой матери Церкви, Голубой линии Вогезов⁵² и Недвижимой Собственности. И раз уж мы говорим в доверительной обстановке, поделюсь, как я получил откровение: когда прочитал в шестнадцатилетнем возрасте «Остров

⁴⁸ Роман «Красное и чёрное».

⁴⁹ В камере.

⁵⁰ С фашизмом.

⁵¹ «Горе сердца». Возглас католического священника во время службы. Библия, Плач Иеремии 3.41.

⁵² Символическое название природной границы, за которой начинаются Эльзас и Лотарингия. Выражение появилось впервые в завещании депутата французского парламента Жюль Ферри (1832–1893), где тот написал: «Я хочу быть похоронен в той же могиле, что мой отец и сестра, лицом к голубой линии Вог, куда до моего сердца долетают жалобы побеждённых...»

пингвинов»⁵³ старины Анатоля Франса. Отбыть с «Острова пингвинов», чтобы причалить к «Майн Кампф», это довольно смешно...

Рёбате: Меня сделали анархистом священники и L'Echo de Paris⁵⁴ 1914–1918 годов. Когда я только начинал в журналистике и часто встречался с евреями и леваками, они сразу же нашли формулу, чтобы соотнести мои слова и мою принадлежность к «Альянс Франсэз» — я был для них правым анархистом. Несмотря ни на что, эта анархия во мне сосуществовала с очень живым преклонением перед Муссолини. Таким образом, я стал правым по той же причине, что и усачи...

Кусто снисходительно улыбнулся.

Кусто: Я знаю твою теорию: усачам и художникам для процветания нужен порядок.

Рёбате: Выраженная в такой форме, она выглядит чересчур классической, довольно плоской и всё же недостаточной для понимания. Мне кажется, что мы имеем право претендовать на то, чтобы представлять аристократию, отличительной чертой которой является прежде всего свобода разума, а затем страх эгалитарных мифов.... то, что отличает нас от сентиментального анархиста, всегда более или менее назарянина. Определённая форма аристократии обязательно будет связана с анархией.

Кусто: Это очевидно. Но, честно говоря, я пришёл к этим очевидным фактам намного позже. Мое «обращение» — поскольку оно было обращением — происходило в довольно запутанных условиях. Это было

⁵³ Роман 1908 года.

⁵⁴ «Эхо Парижа», французское ежедневное издание, начавшее выходить при Третьей Республике с 1884 года. Придерживалось консервативных и патриотических взглядов. Перед Первой мировой войной неизбежно «правеет». В 30-е годы XX века издание сближается с Лигой Патриотов.

скорее сентиментально, чем рационально, и решающее значение имела личная власть человека. Ты знаешь, как я попал в Je Suis Partout?

Рёбате: Подробностей не помню. Я знаю, что ты был уже в издательском доме, когда я сам туда приехал, ближе к концу 1932 года. Ты уже писал о «Кандиде»⁵⁵.

Кусто: Нет, «Кандид», это было позже. Улица Святого Готарда⁵⁶. Я начал с Je Suis Partout⁵⁷, в довольно забавных условиях. Не думаю, что когда-либо тебе о них рассказывал.

Рёбате: Валяй.

Кусто: В то время я работал в «Журнале»⁵⁸, где странно зарабатывал на жизнь, будучи секретарём редакции. И в то же время редактировал потихоньку — потихоньку, потому что, знай они об этом, непременно указали бы мне на дверь — новостную страницу «Мир» Барбюса. Кстати, это Жорж Альтман⁵⁹ принял меня в этом издательском доме, где мне почти не платили. Но я утешался тем, что поимел, таким образом, ограниченных людей и две сотни семей... И потом, чтобы немного заработать, я вёл юмористическую рубрику в Coup de patte Августина Мартини⁶⁰, подписывая её Альбер Лондон... Отсюда все неприятности! Однажды меня и авторов Coup de patte пригласили на банкет редакции, и, по воле случая, я нашёл

⁵⁵ *Candide* — литературное издание, принадлежавшее до 1936 года издательскому дому Fayard.

⁵⁶ Saint-Gothard.

⁵⁷ Располагавшемся по улице Saint-Gothard.

⁵⁸ Новостной ежедневник, публиковавшийся в формате А4, довольно маленьком и непопулярном для своей эпохи.

⁵⁹ Жорж Альтман/Georges Altman, 1901–1960, журналист, политик, участник Сопротивления. Выходец из русской семьи. Автор книги о советском кино.

⁶⁰ Сатирический еженедельник. Августин Мартини — издатель.

себя справа от Гаксотта⁶¹, который вёл рубрику «Деревенский дурачок»⁶². Ни он, ни я не идентифицировали до тех пор наши псевдонимы с каким-то конкретным человеком. Мы познакомились. Гаксотт расхвалил меня, провозгласил мои записки отличными и пригласил сотрудничать в *Je Suis Partout*. Ты помнишь, что это было за издание в 1932 году...

Рёбате: Самое консервативное во Франции, полное рассуждений о финансах (!), своего рода ежедневник для использования полковников из «Альянс Франсэз», профессоров истории и банкиров-католиков.

Кусто: Итак, ты полагаешь, что когда Гаксотт предложил мне ввести туда свою прозу, я почти лишился чувств от удивления. Я было отказался с чувством некоторого превосходства, но меня посетила идея, что было бы смешно игнорировать поддержку реакции⁶³. Единственное, статья, которую я отнёс Гаксотту, была настоящей провокацией. По моим соображениям, эту статью, без каких-либо сомнений, должны были «завернуть».

Рёбате: Что ты там ещё придумал?

Кусто: Да ничего я не придумал! Я удовольствовался тем, что выудил из американских газет старую историю, которая там всплывала на протяжении многих лет на первых полосах. Мутная история — вот случай это сказать — о семи неграх из Алабамы, приговорённых к смерти за изнасилование двух белых женщин. Защита настаивала на том, что эти

⁶¹ Пьер Гаксотт/Pierre Gaxotte, 1895–1982, французский академик (с 1952 года), историк и журналист. Активный участник «Альянс Франсэз», придерживался крайне правых взглядов. Тем не менее отказался от сотрудничества с немцами во время оккупации. На суде предал Кусто, Рёбате и вообще всех своих учеников. Гаксотт был правым, но правым французом в первую очередь — так, он рассматривал Гитлера и сильную Германию как угрозу французским интересам. В годы оккупации бежал от гестапо с Митти Голдбергом, директором мюзик-холла АБС, евреем. После войны стал писать колонки в «левом» издании «Фигаро» (современный французский аналог «Известий» в СССР).

⁶² *L'Idiot du Village*.

⁶³ Т. к. Кусто предлагают работать в крайне консервативном издании.

белые были согласны⁶⁴, сверх того, являлись проститутками. Поверив, Высший суд отменил приговор. Но присяжные Алабамы рекомендовали казнить негров, и Верховный суд вновь отменил приговор. И присяжные Алабамы вновь рекомендовали смертную казнь. И Верховный суд... И не было никаких причин для того, чтобы это кончилось... И это была моя первая статья в Je Suis Partout. Я назвал её «Американское дело Дрейфуса, Погибнут ли семь невиновных негров?».

Рёбате: Во имя Господа, ты крут. В издании, находящемся в вассальной зависимости от «Альянс Франсэз», не следовало сомневаться в виновности Дрейфуса.

Кусто: О, это ещё ничего. Видел бы ты текст! Я представил всё это дело, без малейших сомнений, в пользу black boys⁶⁵, так что мой дебют в Je Suis Partout стал настоящим гимном негритянству, таким бредовым, что даже сам Сартр нашёл бы его, без сомнения, излишним.

Рёбате: И Гаксотт принял твою рукопись?

Кусто: Без колебаний и жалоб! Со следующей недели моя негрофильская проза была опубликована в хорошем месте⁶⁶ с нетронутым заголовком. Я был потрясён.

Рёбате: И?

Кусто: Тогда Гаксотт просит у меня другие статьи, а я возвращаюсь на улицу Святого Готарда⁶⁷, знакомлюсь и с другими редакторами и беру в привычку опрокидывать стаканчик в грязном бистро, которое ты хорошо знаешь, на площади Denfert-Rochereau...

⁶⁴ На половой акт, очевидно.

⁶⁵ Так в тексте.

⁶⁶ То есть на полосах, которые читаются больше всего.

⁶⁷ Saint-Gothard — первоначальный адрес редакции Je Suis Partout.

Рёбате: Там постоянно торчал завсегдатай, старик, похожий на Виктора Гюго...

Кусто: Но наши слова ничуть не походили на те, что принадлежали покойному понтифику⁶⁸. Это потому, что Гаксотт полностью сменил команду.

Рёбате: Знаю. Он постепенно заменил всех восьмидесятилетних молодыми фанатиками, типа нас...

Кусто: Вначале я чувствовал себя слегка стеснённым среди этих кипящих геноцидов⁶⁹, которые попирали на полную катушку вселенское сознание. Потом привык. Я находился под влиянием Гаксотта. Я был очарован им, попал под его шарм! Достаточно было, что он атаковал какую-то проблему, и то, что накануне казалось мне недопустимым, сразу становилось приемлемым. Короче, если я стал фашистом, это благодаря обучению Гаксотта.

Рёбате: Если ты вошёл в Je Suis Partout посредством негров, я это сделал благодаря давлению еврея Левинсона⁷⁰.

Кусто: Поистине, мы были обречены.

Рёбате: Первый стаканчик, который мы опрокинули наедине на Монпарнасе в Dôme или Rotonde⁷¹... должно быть, это случилось в начале

⁶⁸ Здесь обыгрываются огромное значение и роль Гюго в политическом устройстве Республики. Будучи масоном высокого ранга — причём масонство Гюго было вполне открытым — Гюго стал божеством республиканского пантеона. В Республике он занимался в том числе уничтожением региональных языков Франции. Авторитет Гюго, в том числе и литературный, никем не оспаривался. Похороны его стали всенародными.

⁶⁹ Так в тексте!

⁷⁰ Андрей Яковлевич Левинсон, 1887–1933, русский еврей, бежал от революции 1917 года, в которой не участвовал. Профессор романских языков университета Санкт-Петербурга, критик литературы, музыки и балета. Кавалер ордена Почётного легиона. Во Францию бежал в 1918 году через Литву. После смерти Андрея Яковлевича в 1933 году Рёбате заменил его в Radio-Magazine и Je Suis Partout как музыкальный критик.

⁷¹ Названия заведений в указанном месте Парижа.

1933-го. Годом позже мы оба были верными учениками Гаксотта. Никогда наших воспоминаний не будет достаточно для его короткой вины перед нами.

Кусто: Да не говори. Мы — его угрызение совести на каждый день.

Рёбате: О! Ясное дело, не будь Гаксотта, мы бы нашли кого-то другого, потому что мы искали какого-нибудь Гаскотта. Что не опровергает тот факт, что мы были приговорены к смерти именно из-за Гаксотта!

Кусто: Чёрт побери, у меня всё ещё в ушах его тирады насчёт Гитлера и антирусского Крестового Похода... Мы, на самом деле, ничего такого не сделали, разве что продолжили дело Гаксотта.

Рёбате: И именно посредством него ты, левый анархист, и я, правый анархист, оказались под флагом Иерархии, фашизма, диктатуры. Два врага верований, мы нашли веру и распространили её... Но давай не будем объяснять постфактум, давай посмотрим, как всё произошло. Мы оба могли жить вне политических баталий. Но птичка увязла одним коготком, потом двумя...

Кусто: И после всё и случилось...

Рёбате: Потому что мы были слишком осведомлены с 1936 года. Мы знали, что всё было заморожено в политическом будущем нашего города и Европы. Точно не знаю, каково было у тебя на душе. Но я, в 25 лет, мог провести шесть месяцев в музее, на дискотеке⁷² или в комнате девушки — потому что, решительно, это три моих самых любимых занятия на свете — но, начиная с Front Popu⁷³, я не находил больше вкуса в живописи, выбросил

⁷² Так в тексте, не танцы.

⁷³ «Народный фронт», «левое» движение, включавшее в себя коммунистов, социалистов, прогрессистов. Требовало социальных реформ. Во время гражданской войны в Испании отказались поддержать республиканцев прямо. В 1938 году движение потерпело коллапс.

мои музыкальные талмуды, перестал охотиться⁷⁴ и перестал быть способен прочесть хотя бы одну книгу о любви. Ни ты, ни я, мы не можем точно определить дату нашего обращения.

Кусто: Редко когда мы можем сказать такое...

Рёбате: Точно знаю, что в 1938 году мы погрузились в это по самые брови, вовлечённые так сильно, что отречься, в тот момент, было глупо и позорно, а это не в нашем стиле.

Кусто: Почему это, между прочим, отречься? Может, мы ошиблись с выбором, но поскольку выбор был, наш оказался, как видно издавна⁷⁵, самым умным и самым достойным.

Рёбате: Каждый день появлялись новости, которые это подтверждали.

Кусто: И если фашизм нас охватил, то это не только лишь по причине личного обаяния Гаксотта. В конце концов фашизм был чем-то бóльшим, чем просто игрой разума.

Рёбате: Это было очень серьёзно. Речь не шла об интеллектуальной критике демократии, как у Морраса⁷⁶, но о полной, вызывающей доверие системе, надёжной, вполне реальной и уже реализованной Муссолини. После пятисот лет эгалитаристской болтовни восстанавливались порядок, иерархия, власть — без боязни называть всё это по имени и декларировать, что людьми не будут отныне править иначе. Наконец-то с этой великой задачей справлялись без участия церквей.

Кусто: Ну и это не должно было тебе не нравиться...

⁷⁴ Очевидно, на девушек.

⁷⁵ То есть сейчас, в тюрьме, когда ведётся диалог.

⁷⁶ Французский писатель, журналист, академик, националист, приговорён к пожизненному заключению после войны, в 1952 году помилован.

Рёбате: Подтверждались права на работу, лимиты и обязанности капитала... Я почти краснею, когда употребляю эти формулировки после того, как их подхватил генерал Каланча⁷⁷. Но эти слова, которые сейчас в его устах не больше, чем демагогическая шуточка, были наполнены конкретным смыслом в Риме в 1933 году.

Кусто: Существовали все необходимые элементы для полной перестройки общества... Была также возможность повернуть вспять то, что прогрессисты называют ходом истории.

Рёбате: Да, была надежда, которая прекрасно оправдывала наши действия. В то же время я не находил в драке того же удовлетворения, что и ты. Мои амбиции были в другом месте, даже успех *Les Décembres*⁷⁸ меня оставил достаточно равнодушным. После 6 февраля 1934 года я — человек, который ждёт, чтобы планета успокоилась, дабы позволить ему, наконец, заняться чем-то другим. Я счастлив быть приговорённым к смерти ещё и потому, что я не обнаружил здесь никаких чувств, которых ожидал: ничего общего, как я писал другу Гальтеру, со знакомства с музыкой Вагнера или, например, с первой ночью с теми девушками, которых особо желал.

Кусто: Не говори мне, что ты будешь сожалеть!

Рёбате: Нет! Я не сожалею ни о чём. Я просто говорю себе это: я был прав, раздражая беглецов, буржуазных кротов, всех тех, кто прятался в своих домах во время тяжёлых ударов, и доволен, что не принадлежу к их роду. Но на более высоком уровне я сказал обществу «нет», когда мне было двадцать лет. Идеал стойкости и даже мужества... не было бы этим стойкое

⁷⁷ Прозвище Де Голля, обладавшего высоким ростом.

⁷⁸ Антисемитский памфлет, продан тиражом 250 000 экземпляров во Франции в годы войны в условиях дефицита бумаги.

сопротивление вспышкам ярости, энтузиазма и отвращения, которые сделали нас сторонниками политической веры?

Кусто: Для этого следовало бы быть поистине сверхчеловеком.

Рёбате: В любом случае, что касается меня, я составил следующий отчёт: только за те четыре или пять лет, которые я прожил как настоящий анархист, я и накопил все знания, которые сделали меня тем, кто я есть. Если я действительно чего-то стою, то благодаря тому, что приобрёл за эти пять лет. Социальной жизни я обязан: пятью годами клерикальной тюрьмы, двумя годами в казармах, двумя годами капиталистической тюрьмы, десятью годами политической журналистики, ради которой я отказался от своей настоящей работы, той, для которой, как я чувствовал, я создан; наконец 141-м днём в цепях и, теперь, пятью годами тюрьмы⁷⁹. Этот опыт позволяет мне повторять своё НЕТ любому обществу, любой совокупности людей, выть об этом, выплёвывать это до конца своих дней.

Кусто нашёл, что это было бы чересчур — противоречить Рёбате. Ему знакомо было легкомыслие торжественных клятв, расточаемых каторжниками, побеждёнными и пьяницами. Он сам частенько клялся, что его никуда не возьмут больше — для того, чтобы его взяли, — дабы проявить чрезмерную суровость. Так что с лёгкой улыбкой Кусто вернулся к теме разговора.

⁷⁹ Рёбате слегка преувеличивает, как настоящий артист доводя себя до истерики, что и показано поведением Кусто. «Клерикальная тюрьма» — это обучение в религиозной и довольно престижной школе в Сен-Шамон, «два года в казарме» — это два года в составе оккупационных войск в разорённой после Первой мировой войны Германии, где французские войска отличились бесчинствами и беспричинно жестоким отношением к местному населению; «два года в капиталистической тюрьме» с 1928 по 1930 г. — время службы Рёбате в страховых компаниях в Париже. Примечание В. Лорченкова, отсидевшего 25 лет в капиталистической тюрьме (стажёр в газете, криминальный репортёр, грузчик, установщик окон, водитель подпольного борделя, составитель путеводителей, подсобный рабочий на стройке, помощник библиотекаря и пр.) вместо того, чтобы писать книги и переводить.

Кусто: Весьма мило, что мы вот так вот исповедуемся друг перед другом. Потому что в сумме, несмотря на то что ты практикуешь⁸⁰ вот уже семнадцать лет — и каких лет! — я не отдавал себе ещё отчёт так ясно, насколько разными были причины, приведшие нас к одной и той же политике. Ты занимался ею против воли, с внутренним протестом и осознанием того, что приносишь в жертву нечто главное во имя несущественного. Я... о, у меня всё было по-другому. Политика развлекала меня сама по себе и продолжает меня развлекать, насколько я могу претендовать на это в часы моей анафемы⁸¹. Без сомнения, потому что мне не выпало счастливого случая — как тебе — быть артистом, мудрым и деликатным.

Рёбате (покраснев, с невероятной скромностью): Ты меня достал, грязный ублюдок.

Кусто: Да не злись ты. Я знаю, о чём говорю. Ты сам объяснил мне, что не ценишь ничего выше удовольствия, которое доставляют тебе Вагнер, Рембрандт или Достоевский. В этом нет ничего бесчестного. Я тебя не упрекаю. И не утверждаю, что ты заблуждаешься. Не могу представить произведение искусства, которое бы вызвало во мне такую же экзальтацию, то же ощущение полноты жизни, как, например... ммм... ладно, предположим, статья, названная «Ни одной вдовы и ни одной сироты для чехов»⁸², которую я написал в своё время в Мюнхене, между четырьмя и шестью часами утра, будучи в раже. Я, без сомнения, заставлю тебя подпрыгнуть, когда скажу, что мои лучшие воспоминания о моём бытии связаны, может быть, с нашим процессом⁸³.

⁸⁰ Придерживаешься нынешних взглядов.

⁸¹ В заключении.

⁸² Т. е. «ни одного французского солдата, павшего ради Чехословакии».

⁸³ Судебным.

Рёбате не подпрыгивает, но бросает на своего друга мрачный взгляд. Кусто продолжает.

Кусто: Прекрасно! Наш процесс. Шесть дней ходьбы по натянутому канату перед паяцами, между гордостью и самоуничижением. Канат без страховочной сети под ним... с неизбежной смертью или бесчестьем в случае малейшего ложного шага. Ничего не отрицать и в то же время сдерживать все те оскорбления, которые я долго бормотал и которые моя мать и моя жена заставили меня дать слово не выплёвывать в президента⁸⁴. Быть твёрдым, сохранять достоинство и пытаться в то же время спасти свою голову. По сравнению с этими часами вся моя остальная жизнь кажется мне достойной сожаления мягкотелостью... Я как-то заметил, в своей тетрадке для афоризмов, что жизнь ничего не стоит, пока ею не рискуют. Политическое действие есть способ рисковать. В наши дни, по крайней мере.

Рёбате выглядит довольно едким.

Рёбате: Итак, ты занялся политикой для того, чтобы тебя приговорили к смерти?

Кусто: Не говори за меня глупости. Но, как ты вовремя заметил, когда мы встретили Гаксотта, мы вовлеклись. Я добавляю, что хоть я и пришёл с левого фланга, я к этому⁸⁵ был предрасположен куда больше, чем ты. Я не сказал «нет» обществу. Я сказал «нет» некоторым мифам. Это не одно и то же. Я не понял бессмысленности апостольского служения, я принимал как легитимное желание изменить структуру общества.

⁸⁴ Ведущего процесс судью.

⁸⁵ Фашизму.

Рёбате: В таком случае, конечно, это не должно было быть для тебя слишком трудным⁸⁶. Уж куда более мудро бойцу перейти на сторону врага, чем скептику вмешаться в драку.

Кусто: Если уж знать, почему я предпочёл фашистов марксистам, я повторяюсь, что прежде всего было влияние Гаксотта. И я добавил бы к этому ещё кое-что, что повлияло. Ты помнишь книгу некоего Мольво⁸⁷, опубликованную примерно в 1937 году?

Рёбате: Довольно посредственная книжонка...

Кусто: Без сомнения, но она привела меня к довольно интересной идее. Это история одного испанца, который живёт во Франции и возвращается в свою страну после начала Movimiento⁸⁸ без каких-либо политических убеждений или пристрастий. У него не больше причин идти к белым, чем к красным. Просто он знает, что должен сражаться, потому что его сограждане сражаются. В конце концов, он присоединяется к Франко⁸⁹. И когда его спрашивают о причине, он отвечает: «Cuestion de estetica»⁹⁰. Есть что-то такое и в моём обращении к фашизму. Между вагнеровским великолепием конгресса в Нюрнберге и «кастрюльными» парадами⁹¹ «Народного фронта» от Бастилии до Площади Наций... нет никаких сомнений: эстетика — в лагере фашистов.

Рёбате: Ну, с этим я согласен, и даже очень согласен. Мне нравился определённый стиль... муссолиниевский... этот возрожденческий дух, который можно было найти в итальянской молодёжи. Но моё первое

⁸⁶ Переход от таких взглядов к, собственно, фашистским; в данном случае идёт речь о схожести противоположностей.

⁸⁷ Maulvault, El Requete.

⁸⁸ Правительство Франко.

⁸⁹ Очевидно, к франкистам, не самому лидеру реакции.

⁹⁰ «Вопрос эстетики, вкуса».

⁹¹ Во Франции популярно во время уличных манифестаций с социальными требованиями сопровождать их стуком в кастрюли.

фашистское чувство проявилось 30 июня 1934 года. Я был ещё весь липким от грязных заговоров февраля⁹², от нашего отверженного парижского фашизма, разделённого, стёртого, кастрированного стариками и проданного теоретиками. Я вижу себя на площади Denfert, читающим без устали в газетах о карательной экспедиции Фюрера⁹³. Перья⁹⁴ l'Intran⁹⁵ и другие газеты кричали от ужаса.

Кусто: Это представляло на самом деле вопиющее противоречие с демократическими репрессиями. Они тоже жёсткие, даже иногда и жёстче, но у них всегда есть юридическое алиби...

Рёбате: Я видел этого выплывающегося лидера как орла, парящего над виновными, действующего лишь по своей воле. И я слышал литавры Валькирий. До того момента усики Дюдюля⁹⁶ и пустые глаза Гимmlера вызывали у меня скорее лишь неприязнь. Но с того момента, когда возник гитлеровский вагнеризм, трудно было оставаться равнодушным. Первые последствия «Триумфа воли»⁹⁷ и лейтмотив Нюрнберга, когда белый самолёт Фюрера появляется из облаков над старыми крышами, которые сожгли американские негры⁹⁸... ах! Как я это любил! Вот что позволяет мне сказать, что это отчасти иезуиты сделали меня гитлеровцем, потому что это будущий иезуит познакомил меня с Вагнером в мои восемнадцать лет⁹⁹...

⁹² Попытка мятежа французских «правых» 6 февраля 1934 года, окончилась провалом, полиция застрелила 16 демонстрантов.

⁹³ Ночь длинных ножей, расправы с «коричневыми».

⁹⁴ Ведущие журналисты.

⁹⁵ L'Intransigeant, издание, основанное в 1880 году Анри Рошфором, изначально представляло «левую» оппозицию. В 1920 году стало «правым». Выступало против Дрейфуса.

⁹⁶ Фамильярное прозвище Гитлера в книге.

⁹⁷ Фильм Лени Рифеншталь о съезде в Нюрнберге.

⁹⁸ Намёк на бомбардировки союзников.

⁹⁹ Намёк на Франсуа Варийона/François Varillon, 1905–1978, друг детства Рёбате, должен был стать музыкантом, но обратился к Богу и ушёл в Орден Иезуитов. Участвовал в создании движения духовного сопротивления «Христианское Свидетельство», перед тем

Кусто: В твоей жизни много иезуитов...

Рёбате: Даже больше, чем ты можешь себе представить. Но, мне кажется, я пересказываю тебе *Les Décombres*¹⁰⁰. Думаю, я всё сказал насчёт Вагнера и Дюдюля¹⁰¹. Гитлеризм побудил меня участвовать, впервые в моей жизни, в том, что прогрессивные доминиканцы зовут «эстетикой сообщества». Я никогда не откажусь от этих чувств. Но «Рождение Венеры», *Kleine Nacht Musik* Моцарта¹⁰², Эль Греко в Эскориале, королевский портал в Шартре или Одетт дё Кресси¹⁰³, которая спускается по Авеню du Bois... всё это не менее красиво. Да и у Моцарта или Пруста мы не встречаем Топазов¹⁰⁴, Эрриоев¹⁰⁵, Бевинов¹⁰⁶, Трокеев¹⁰⁷

как написать несколько религиозных трактатов, которые пользовались большим спросом. Это значительная фигура христианского обновления.

¹⁰⁰ Свой роман.

¹⁰¹ Гитлера.

¹⁰² Маленькая ночная серенада, *Eine kleine Nachtmusik*. — Прим. ред.

¹⁰³ Здесь — просто символ красавицы-незнакомки.

¹⁰⁴ *Toraze*. Вероятно, фильм 1933 года об учителе, который бескомпромиссно учит детей бороться с коррумпированностью власти в то время, как жадный аристократ с любовницей пытаются впутать его имя в мошенническую схему.

¹⁰⁵ Эдуар Эррио/*Édouard Herriot*, 1872–1957, член Радикальной партии, мэр Лиона до и после Второй мировой, сенатор, член Академии, симпатизировал коммунистам, посетил СССР в 1922 году — году разрухи, вызванной Гражданской войной и переворотами (февральским и октябрьским) — и называл большевиков «энциклопедистами». В 1942 году отправил свой орден Почётного легиона маршалу Петену в знак протеста против политики примиренчества с немцами. В 1947 году стал президентом Национальной Ассамблеи. Интересно, что Эррио родился в городке Труа (французское звучание всем нам привычной Трои), где в ходе 100-летней войны между Плантагенетами и Валуа был подписан договор, согласно которому Париж стал столицей объединённого королевства, подчинённого Плантагенетам (дофин Карл, лишённый прав на наследство, не признал этого договора и удалился в Шинон, где его нашла Жанна д'Арк).

¹⁰⁶ Сэр Эрнест Бевин/*Ernest Bevin* (1881–1951), член рабочей Партии Британии, антикоммунист, активно работал на Ближнем Востоке, причастен к отправке евреев в Палестину.

¹⁰⁷ Андре Троке/*André Trocquer*, 1884–1963, министр внутренних дел Франции во время процесса и заключения Рёбате и Кусто.

Кусто: Когда занимаешься политикой, нужно смириться с тем, что немного запачкаешь руки. Есть моменты, когда оно того стоит. Не так уж было бесполезно помешать войне.

Рёбате: Наша драка, в сентябре 1938 года¹⁰⁸, без гроша, с гневом в сердце, за мир и за нашу страну, да, это было чудесно, ты мне вовремя напомнил. Это мое самое прекрасное воспоминание о политике, более волнующее даже, чем успех *Les Décombres*. Но какая клоака эта политика: шефы Р.Р.Ф.¹⁰⁹, двойные агенты, кабинет Маршала¹¹⁰, «мозговой трест» голлистов¹¹¹, Белый Дом... Заниматься политикой значит ступить в клоаку. Иначе останешься литератором, что, в общем, и было нашим случаем прежде всего: я говорю меньше о Робере¹¹², но, скорее, о нас двоих.

Кусто: Слово «политика», на самом деле, двойственно. Или, точнее, оно деградировало. Оно закончило тем, что определяет некое поведение — своего рода склонность к мутным схемам, уловкам, компромиссам, обманам... Поведение Лавалья¹¹³, например, причём с самой колыбели. Все

¹⁰⁸ Драка сентября 1938 года — полемика *Je Suis Partout* против сторонников силового давления на Германию в момент политического кризиса в Мюнхене.

¹⁰⁹ Р.Р.Ф. — Народная Партия Франции (*Parti populaire français*). Существовала с 1936 по 1945 год. Руководитель — Жак Дорио/*Jacques Doriot*. Создана по образцу фашистской партии Италии. Интересно, что важную роль в деятельности французского фашистского движения в НПФ сыграли «южные» кланы политиков из Марселя и Ниццы. Эти регионы намного ближе Испании и Италии и вошли в состав Франции лишь после многовековых завоеваний и политики ассимиляции, проводимой Парижем.

¹¹⁰ Петен.

¹¹¹ На английском, чтобы подчеркнуть зависимость Де Голля от союзников.

¹¹² Робер Бразильяк/*Robert Brasillach*, шеф-редактор *Je Suis Partout* в 1937. Отказался покинуть Францию и перебраться в Германию в 1944-м — в отличие от Кусто и Рёбате — стал узником Сопротивления и был расстрелян 6 февраля 1945 года.

¹¹³ Пьер Лаваль/*Pierre Jean Marie Laval*, 1883–1945, французский политик, начинал как «левый», потом «поправел». В годы Второй мировой играл важную роль в правительстве Виши. После победы союзников бежал в Испанию, потом вернулся. Заключён в тюрьму правительством Де Голля, пытался покончить с собой, но неудачно. Расстрелян в 1945 году.

признают, даже его худшие враги, что Лаваль был, *par excellence*, политическим существом.

Рёбате: После всего, что ты написал против него, мне нравится услышать прочитанное...

Кусто: Но в этом смысле мы... мы-то никогда политикой не занимались, потому что эффективность была нам безразлична, потому что мы отказывались идти на сделки и довольствовались тем, чтобы называть вещи их именами, и защищали не то, что могло стать предметом торга, но то, что *должно* быть. Если я так любил эту вонючую штуку, которая называется политикой, то это не из-за амбиций или пристрастия к клоаке, а из удовольствия сражаться. Но мы отделились от того, с чего начали наш спор, — от того, как примирить отрицание нашей юности с нашим принятием фашизма.

Рёбате: Ладно, объясни-ка!

Кусто: Для меня, повторяюсь, это было более мудро, чем я представлял, потому что я был предрасположен к апостолату. Это не мешало мне, несмотря на всю мою преданность Гаксотту, чувствовать иногда некоторое стеснение. Я решил эту проблему, навсегда отказавшись из принципа отвлекаться на несущественные вопросы. Я решил рассматривать проблему в целом, остальное отставляя в сторону.

Рёбате: Я поступал так же, это типично для любой веры, религиозной или нет.

Кусто: Послушай, я вспоминаю довольно острую дискуссию, которую вёл в 1936–1937 с Тьери Мольньё¹¹⁴. Этот бравый защитник силлогизмов

¹¹⁴ Тьери Мольньё/Thierry Maulnier, 1909–1988, настоящее имя — Жак Талагран/Jacques Talagrand, публицист, поддерживал вполне нормальные отношения с Бразильяком,

атаковал меня из-за моих франкистских симпатий. Ну и поскольку я полностью покинул любые конфессии и был откровенно враждебен диктатуре попов, как я мог так серьёзно отнестись к делу Франко, чья победа будет, очевидно, победой пилеолуса и игрушечных солдатиков?¹¹⁵

Рёбате: На самом деле, это то, что и случилось. Увы, несчастливая Фаланга¹¹⁶, уничтоженная партией священников¹¹⁷.

Кусто: В любом случае, в момент моего спора с Мольнёй, я взял на себя этот риск. Я отвечал ему с юмором, что мне было бы мучительно, попроси у меня кто исповедаться, но ещё более мучительным будет — попасть под власть ГПУ¹¹⁸, и что даже самая мягкотелая капиталистическая демократия мне противна больше, чем испанская теократия. Так что Франко был меньшим злом, и следовало его поддерживать.

Рёбате: Ты не упустил сути...

Кусто: Исходя из тех же побуждений с 22 июня 1941 года, с начала войны против России¹¹⁹, я был за Германию без остатка и без нюансов и велел себе закрыть глаза на всё то смехотворное или даже монструозное, что делали люди с нашей стороны.

Рёбате: Но всё это не объясняет, как, в твоём личном случае, ты мог совместить персональное «отрицалово» с нашими коллективными утверждениями. Например, с теми, кто с нашей стороны заладил, будто они

придерживался Морраса и отрицал склонность к нацизму Рёбате. Писал блестящие статьи в издании «Аксьон Франсэз», *La Revue universelle*.

¹¹⁵ Пилеолус — шапочка римско-католического священника, Кусто говорит о победе реакции, союзе Церкви с Армией, причём вместо пилеолуса употребляет более фамильярное слово *salotte*. А «солдатики» — именно в значении солдатиков из наборов для игр.

¹¹⁶ Движение Франко, близкое, по сути, штурмовикам Гитлера.

¹¹⁷ Здесь *le parti-prêtre*, «сообщество людей, объединённых одними политическими взглядами, в которых люди действуют вопреки интересам общества».

¹¹⁸ В тексте не аббревиатура, а передача звучания, *Guéréou*.

¹¹⁹ Не СССР, в тексте — Россия.

защищают христианскую цивилизацию. Ты, ты вот защищал христианскую цивилизацию?

Кусто: Да, я её защищал, по необходимости, но в качестве дополнения, как нечто прилагающееся к чему-то гораздо большему. Так защищают часть целого. Для меня — очень маленькую часть того целого, что было мне по сердцу. Я, конечно, ошибался, но не мог воспринимать это¹²⁰ всерьёз. Мне это казалось лишённым всякой важности. У меня не было впечатления, что я себя сужу, когда я соседствовал с людьми, приправлявшими наш Крестовый поход христианскими словечками.

Рёбате: И патриотизм?

Кусто: А вот это было серьёзное препятствие. Фашизм был националистическим. Это меня очень стесняло. Это начало меня смущать намного меньше, когда проявился повсюду, постыдно, этот белый интернационал, который Моррас изгонял ежедневно как пятую колонну. Думаю, я был гораздо более склонен к этому «правому интернационалу», чем наши другие товарищи из J.S.P¹²¹, выращенные в узконаправленном шовинизме... Да и когда шла речь об отказе от франко-германской войны, я, конечно, был совершенно уверен в своей правоте, я нашёл себя двадцатилетним.

Рёбате: Но война против России?

Кусто: Я тебе отвечу, процитировав автора малоизвестного, но всё же весьма обогатившего нашу литературу ударными афоризмами. «Лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести, — писал Жан Полан¹²², — это не человек, который отказывается сражаться, но

¹²⁰ Аргументы о защите христианской цивилизации.

¹²¹ Фамильярное сокращение Je Suis Partout, речь о коллегах по изданию.

¹²² Jean Paulhan, 1884–1968, журналист, издатель «Нового ревью», сын философа Фредерика Полана. Преподавал французский и латынь. В годы оккупации писательница

человек, ожидающий войну, сторону в которой избрал». Ибо война против русских была войной не национальной, но гражданской.

Рёбате: Для человека, определённого левыми мыслителями, это единственная достойная война.

Кусто: Анатоль Франс блестяще сформулировал это, и, без сомнения, факт, что эта война меня устраивала идеально, если я могу так выразиться. Что касается других аспектов нашего Крестового похода, которые могли шокировать мои убеждения юности... я там не остановился. Кроличизм вишистов¹²³, патернализм Маршала¹²⁴, пуританство цензоров южной зоны¹²⁵, гангстеризм шефов банд зоны северной... — всё это было лишь дополнение. Мы защищали, со всеми её недостатками, некую форму аристократической цивилизации, единственную, которая давала шанс качественному анархизму. Мы защищали это против диктатуры хулиганов и головорезов. Вот что существенно. И это стоило того, чтобы попробовать. Мы оказались побеждены. Ладно. Но сегодня меня бы бесило, сдайся я тогда без боя.

Рёбате: Это не наш случай. Мы дрались десять лет. Мы предложили этому миру свои решения. Не утверждаю, что они были идеальными, но у них был масштаб побольше, чем у современного дерьма. Их не захотели, наши решения. Даже затеяли мировую войну, чтобы сделать их

и танцовщица Элиз Жуандо, супруга писателя Марселя Жуандо, доносит Гестапо на Полана как на еврея. Об этом жертву предупреждает сам Марсель Жуандо. Полан бежит буквально за минуты до прихода гестапо и прячется в Париже у знакомых до конца войны. После неё он резко выступает против тех представителей Сопротивления, которые пытаются ввести некоего рода либеральную цензуру. Он осмеливается вновь публиковать Луи-Фердинанда Селина (!)

¹²³ Речь, очевидно, о стремлении избавиться от проблем, забравшись в нору, как кролик, речь о пассивности правительства Виши.

¹²⁴ Петена.

¹²⁵ То есть под номинальной властью Виши.

невозможными. Итак, теперь, что же!.. Всё кончено, у нас есть право сказать наше энергичное Scheiss¹²⁶ западному обществу!

Вновь Кусто воздерживается от того, чтобы вслух сомневаться в окончательном характере такого торжественного решения. Рёбате в то же время предался своему любимчику среди грехов, который заключается, каждый знает, в преображении малейших слов в поток рукописных листов.

Рёбате: Может быть, появится возможность, достаточно сенсационная, выразить этот Scheiss! Эта наша с тобой болтовня только что натолкнула меня на мысль. Раздражает, что все мои идеи возникают всегда в виде 3000 страниц. Но после всего мы не будем освобождены раньше 1965 года, и тюрьма — мать литературы. В любом случае, если я захочу родить в один прекрасный день эту книгу, ты напишешь к ней предисловие. Это будет меньшее, что ты сделаешь.

Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате, бухгалтерия тюрьмы Клерво (Франция), 1950.

Перевод: Владимир Лорченков, муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021.

¹²⁶ С нем. — «дерьмо».